

Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова
УГОРСКИЙ ПРОЕКТ – ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшей Школы экономики». E-mail: nikita1951@yahoo.com.

НЕФЕДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. E-mail: trene12@yandex.ru.

Статья иллюстрирует, как случайная покупка профессором Н.Е. Покровским деревенского дома в Костромской области способствовала перерастанию первоначальной рекреационной мотивации горожанина в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села. В статье сделана попытка подвергнуть научному анализу деревенский уклад жизни. Авторы интересовали признаки, «индикаторы» проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуют себя в самых низовых и периферийных социальных общностях.

Ключевые слова: деревня, деревенский уклад жизни, город и село, село, сельская местность, глобализация.

В 1996 г. Н.Е. Покровский, в то время профессор социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, решил приобрести для личного пользования дом в сельской местности на максимально разумном удалении от Москвы. Выбор пал на Костромскую область, а именно, деревни в Мантуровском районе на правом берегу среднего течения Унжи, притока Волги. Решающим обстоятельством в окончательном выборе стала природная эстетика, ландшафты, трудно передаваемая словами «духовная» атмосфера деревень, полей, таежных лесов, реки Унжи, всегда открытого огромного неба. Все это завораживает горожанина и, можно сказать, приковывает намертво¹. После приобретения традиционного сельского дома (1918 г. постройки) и земельного участка для Н.Е. Покровского начались деревенские университеты бытового обустройства жизни в абсолютно новой среде, ремонты, перестройки, установление связей с односельчанами и сельским начальством.

© Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., 2012

¹ «Кейс Покровского» довольно симптоматичен. Траекторию Покровского в той или иной степени проходили все ныне немалочисленные городские обитатели деревни Медведево Угорской сельской администрации. Сходное воздействие испытывают и участники международных научных конференций, в течение многих лет проводящихся на базе Сообщества профессиональных социологов в Медведево. От первой реакции: «Зачем мы здесь оказались, в этом захолустье?» быстрый переход к высказыванию: «Как тут замечательно, ни на что не похоже, испытываем особое чувство восторга, нельзя ли купить дом?». Во всем этом нет места мистике, а есть определенная логика психологического воздействия, в общих чертах обозначенная в классическом философском трактате Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

Главное впечатление от первых лет, сохранившееся и поныне, это чувство свободы самореализации. В отличие от города, тем более мегаполиса, где все зарегулировано и регламентировано, деревня предстает зоной свободы, где все возможно и доступно, будь на то воля и довольно скромные средства.

После нескольких лет стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. И если прежде все разделялось на составные части - в Москве профессиональная работа, наука, преподавание, а в деревне отдых, приватная сфера личных интересов, - то довольно скоро эти сферы стали соединяться. Деревенский материал представлялся оригинальным, малоизученным, неизвестным столичным социологам и зарубежным коллегам. Более того, замысел исследования изначально, даже в своей интенции, не подразумевал чисто «крестьяноведческой» направленности, т.е. изучения крестьянских сообществ в качестве самодовлеющей и самоценной социальной и исторической общности. Интересовали признаки, «индикаторы» проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуют себя в самых низовых и периферийных социальных общностях.

Итак, начало Угорского проекта – наглядный пример того, как случайная покупка деревенского дома в Костромской области постепенно способствовала перерастанию первоначальной чисто рекреационной мотивации горожанина в нечто большее, в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

С начала 2000-х гг. исследовательский замысел Н.Е. Покровского стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило привлечь коллег и организовывать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, издавать книги.

Все больше московских и не только московских ученых стали приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево в Угорской сельской администрации, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, в которую первоначально входили и по-прежнему входят психолог В.Ф. Петренко, социолог-крестьяновед В.Г. Виноградский, экономисты С.Н. Бобылев и А.З. Бобылева, социобиологи Л.М. Баскин, В.С. Зайцев и Е.С. Преображенская, демограф М.Б. Денисенко, специалист по муниципальному управлению Ю.М. Плюснин, кинооператор и фотограф В.Н. Иванов, к которым позже присоединились социальные географы Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, А.В. Дроздов и другие коллеги. В исследовательской группе представлены ведущие столичные и региональные университеты России и институты РАН.

Ученых, помимо теоретических аспектов, интересовало и нынешнее состояние российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее, но не в качестве изолированной социальной группы, а в качестве органичной составной части всей социальной структуры общества. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно столицы деревня – это загадочный континент. Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации [12]. А ведь это 38 млн. жителей. Да и остров-то очень разнообразный для того, чтобы его хоронить. Для тех, кто обладает даже самыми начальными познаниями в

области социологии, очевидно, что сельская Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное общество, даже если это «остальное» общество об этом и не подозревает.

Шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX века, участники проекта видели, сколь огромен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформацией экономики и социальной жизни.

Первые тезисы проекта включали следующие представления [9]:

- 1 в современной России город и село принадлежат к двум разделенным континентам социального уклада и живут отдельной жизнью, в асинхронных ритмах протекания социального времени;
- 2 в стране возникают смешанные сельско-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества;
- 3 эти тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности.

Эти наблюдения возникли на фоне общей депрессии сельской жизни и особенно сельского хозяйства, периферийных районов Нечерноземья в 1990-2000-е гг., которые не только не привели к окукливанию местного мирка, но, наоборот, способствовали подключению его к глобальным процессам.

Производство сельскохозяйственной продукции снизилось до критических величин и назвать его товарным рыночным крайне трудно, поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. На этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя власти, истратив уйму денег, с большим опозданием поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который зарос травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен Интернет. Над сельскими избами то тут, то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрирует районный центр с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Перед многими сохранившимися деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстают инфраструктура, в том числе дороги, даже федеральные, медицинское обслуживание и образование находятся на грани уничтожения. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их пониженных тратах на продовольствие при собственном огороде привилегированной кастой доходоприносящих граждан. Такой поворот событий приводит к окончательному загниванию местной экономики, превращению сельских сообществ в паразитарное напластование на нефтяной экономике страны в целом.

Эти контрасты обусловили и первые направления исследований по Угорскому проекту². Они были связаны с поисками ответов на вопросы: 1) обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс? 2) привлечет ли пустеющая сельская местность новую волну горожан? 3) что именно привлекает горожан и как можно

² Название «Угорский проект» утвердилось в середине 2000-х годов. Оно носит формально-неформальный характер и включает в себя помимо чисто научного ядра, описанного выше, более широкие научные практики, элементы социального проектирования, просветительства, благотворительности.

регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?

Основные задачи исследования и идеи на начальных этапах разработки проекта сводились к следующему .

Исследовательская задача № 1: обоснование ограниченности интерпретации природного капитала только как природных ресурсов (д.э.н. С.Н. Бобылев, МГУ). Для успешного экономического роста необходим учет и других, в том числе экологических функций. Это привело к попытке учесть в теории экономическую значимость всех его составляющих, их способность приносить доходы и выгоды, как это и положено любому капиталу. В самом общем виде можно выделить три функции природного капитала: 1) ресурсная – обеспечение природными ресурсами производства товаров и услуг; 2) экосистемные/экологические услуги – обеспечение природой различного рода регулирующих функций: ассимиляция загрязнений и отходов, регулирование климата и водного режима, озоновый слой и т.д.; 3) услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами и своего рода «духовные» экологические услуги; обеспечение здоровья людей [1, 2]. Если первая функция природного капитала хорошо знакома и отражена в литературе учеными на протяжении веков, то экономическая интерпретация экологических услуг – как экосистемных, так и «духовных» – еще только начинается.

Российский Ближний Север является важным поставщиком экосистемных услуг на региональном, национальном и даже глобальном уровнях. Здесь можно отметить такую важную роль региона для устойчивости мировой биосферы как регулирование климата. Для экономиста и социолога причина деградации многих функций природного капитала очевидна: это их экономическая недооценка, что приводит к проигрышу варианта сохранения «бесплатной» природы по сравнению с техногенными вариантами развития (сельское хозяйство, населенные пункты, промышленность и т.д.).

В связи с этим особая исследовательская задача № 2 была связана с изучением природы Костромской области, истории природных промыслов, включая охоту, собирательство, влияние изменений природной среды на места обитания животных и их поведение (д.б.н. Л.М. Баскин, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН).

Исследовательская задача № 3: создание модели намечающейся новой волны миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера, т.н. «дауншифтинга» в среде нарождающегося городского среднего класса (д.с.н. Н.Е. Покровский, НИУ-ВШЭ).

Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций»). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях.

На поверхности этот процесс представляется в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новоявленных «деревенщиков» может быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан перерастает в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни

села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные нереализованные возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры – селско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества [10].

Социальная база ожидаемых изменений связана с развитием так называемой «удаленной работы» и усилением миграционного оттока «креативного класса» из городов в разреженную сельскую местность [10, 12]. Поменяются полюса притяжения мигрантов. Города перестанут быть наиболее привлекательными, а в удаленной сельской местности главным станет не сельское хозяйство и даже не использование природных ресурсов, а производство интеллектуальных продуктов, главенствующее значение приобретут информационные коммуникации и физическая мобильность [10, 12]. По идее, именно потребности снизу, а не планирование сверху должны трансформировать в будущем инфраструктуру. В более отдаленной перспективе обозначаются новые волны *реколонизации* Ближнего Севера представителями среднего класса крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. От дачной рекреации сегодняшнего дня к закреплению на селе в формате «жидкостной миграции»³.

Исследовательская задача № 4: изучение особенностей проникновения глобализационной модернизации в разреженное депопулировавшее пространство, где все процессы проходят иначе, чем в городе (д.ф.н. В.Г. Виноградский, д.с.н. Н.Е. Покровский – НИУ-ВШЭ).

Позиция участников проекта поначалу была довольно резкой: возврата к тотальному сельскому хозяйству в этом регионе не будет никогда [11]. Рыночная экономика подвела черту под старыми формами. Местная продукция нечерноземных периферийных районов слишком дорога по сравнению с продукцией, получаемой из регионов Черноземья или на импортном сырье, и качество ее давно деградировало (для чего достаточно продегустировать сыр местного Костромского комбината или увидеть санитарное состояние мясокомбинатов в некоторых соседних малых городах). Взамен этой фактически умершей и умирающей жизни предлагалось подумать о коммерческом использовании экологических ресурсов и туризма. Вместо огромных площадей распахки придет своеобразная *клеточная глобализация*, основанная на выборочном постоянном заселении людьми свободных профессий районов Ближнего Севера и развитии отдельных очагов.

Само понятие «качество жизни» эволюционирует в сторону экологических ценностей. Но этого не достаточно. Нужен элементарный комфорт и набор необходимых услуг. Пока сочетать достоинства городской и сельской жизни удастся не так далеко от городов. И главными ограничителями более стабильного вторичного заселения удаленных районов,

³ Жидкостная миграция (термин Н.Е.Покровского) обозначает не оседлое закрепление в сельской местности, а круглогодичное проживание в ней с постоянными отъездами-возвращениями, будь то обе российские столицы или дальше зарубежье. Само понятие ПМЖ (постоянное место жительства) исчерпывает себя в качестве социального модуса, уступая место процессу постоянного «скольжения по поверхности». При этом, однако, необходимые привязки к локусу проживания (например, немобильные члены семьи, символическая аффилиация с «малой родиной») сосредотачиваются в сельской местности по признакам наибольшей рациональности и оптимизации качества жизни, прежде всего, в экологическом отношении. Эта гипотеза входит в число основных в проводимых и планируемых исследованиях в рамках Угорского проекта.

помимо расстояний, служит плохое состояние дорог, отсутствие необходимой инфраструктуры и услуг. Самому населению этого не создать без институциональных изменений и трансформации мышления региональных властей.

В 2006 г. к проекту подключились географы, а, следовательно, возникли новые подходы, связанные с изучением возможностей и ограничений развития Ближнего Севера и выявлением его пространственного разнообразия. Для России поддержание экономической активности и инфраструктуры на огромных пространствах периферии регионов всегда было большой проблемой, особенно в Нечерноземье, несмотря на то, что в целом по стране показатели сельского хозяйства за последние годы улучшались. Но само по себе Нечерноземье и даже его периферия – не гомогенные образования, они сильно различаются в зависимости от природных условий, особенностей исторического развития, степени удаленности от центра региона и основных осей развития.

Отсюда **исследовательская задача № 5 – определение, для какого типа районов России и какой территории репрезентативен Угорский проект (д.г.н. Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН).** Для этого сравнивались основные процессы естественной убыли и направлений миграции населения, динамики сельского и лесного хозяйства, землепользования и забрасывания угодий на севере и юге России. Костромская область сопоставлялась с соседними и более удаленными областями. Сильными оказались контрасты и внутри нечерноземных регионов, особенно между пригородами и периферийными районами. Угорский проект представляет собой исследование сельской местности, весьма типичной для довольно обширного макрорегиона, включающего периферийные районы Нечерноземья. Это примерно 80% Нечерноземной зоны и около 15% территории России. На юге село совсем другое, гораздо более полнокровное. А на более дальнем севере и востоке России при той же и даже большей разреженности населения не было такой длительной депопуляции.

Исследовательская задача № 6 – выявление конкретных моделей современного развития сельских территорий (д.г.н. Т.Г. Нефедова). Главным локальным ограничителем развития староосвоенных депопулирующих районов остаются социально-демографические факторы, недостаточная квалификация и трудоспособность кадров даже при избытке незанятого сельского населения (в Угорском поселении официальные показатели безработицы низки, хотя реально не имеют постоянной работы около трети населения в трудоспособном возрасте). В таких районах спонтанно осуществляются **модели экономики пространственного "хозяйственного сжатия" при его диверсификации** [7]. Таким образом, развитие идей проекта шло в русле анализа современных направлений трансформации сельской местности и их перспектив. Модели хозяйственного сжатия не остановят уменьшения населения, сокращения крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, они спасут от тотального забрасывания земель и деревень. Таких моделей несколько, причем они вовсе не исключают друг друга [6, 8]. Для их выявления использовались не только статистические и картографические данные, но и глубинные интервью с руководителями предприятий и представителями местных властей периферийных районов Костромской области, а также анкетирование постоянного населения с помощью студентов и аспирантов, проходивших практику на базе Угорского проекта [7].

Первая модель – сельскохозяйственная с сохранением отдельных агропредприятий, в основном вошедших в цепочки локальных или региональных агропромышленных структур или

поддерживаемых муниципальными и региональными органами власти. Такие предприятия нуждаются в помощи государства именно как социальные институты для поддержания местной жизни.

Вторая модель связана с мелким частным сельским хозяйством, хотя страта тех, кто способен активизировать товарность своего хозяйства даже при оказании помощи, довольно узка: 10-15% [7]. Поэтому такие районы нуждаются в специальных программах по привлечению мигрантов. Главным фактором, помимо человеческого капитала, здесь оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, доступность рынков сбыта продукции и т.п.) и бюрократические издержки.

Третья модель – уход от монофункционального развития малых городов и сельской местности, порой с заметным изменением специализации. Она предполагает специальные усилия для стимулирование видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов леса и воды. В зоне тайги – это чаще всего лесозаготовки и лесопереработка, хотя лесохозяйственная монофункциональность также может стать тормозом развития. Во многих районах, где население активно собирает грибы и ягоды, необходимо стимулирование их закупки и переработки даров леса для насыщения городских рынков и ликвидации такого абсурдного явления, как китайские и итальянские грибы на прилавках российских городов.

Четвертая модель – создание достопримечательных мест - работает для малых городов и деревень, расположенных в особо живописных местностях, сохранивших неизменным архитектурный облик деревень или имеющих ценные памятники истории и культуры. Их развитие как достопримечательных мест может быть закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровнях. Они нуждаются в дополнительном финансировании для сохранения традиционного хозяйства населения и антропогенных ландшафтов.

Если же местного населения, кроме нетрудоспособных жителей, в сельской местности почти не остается, возможна реализация *пятой модели* специальной социальной поддержки местного населения. Ведь многие современные деревни — это, по существу, дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но они требуют автолавок с продуктами, доступной медицинской помощи, регулярных автобусных маршрутов (а, следовательно, и приличных дорог), доходящих до всех живых деревень. Эти мелкие, на первый взгляд, но чрезвычайно важные дела – прямая задача региональных и местных властей. При создании подобных условий дети будут реже забирать стариков в города и чаще приезжать в деревни, что продлит их существование.

Модели **управляемого «хозяйственного сжатия»**, основанные на стимулировании лишь отдельных очагов экономической активности, здесь неизбежны. При этом чрезвычайно важно «смягчать» пространственную социальную поляризацию [6] и поддерживать жизнедеятельность имеющегося населения хотя бы для сохранения социального контроля над обширной территорией, «полное одичание» которой чревато непредсказуемыми последствиями.

Тем не менее действия властей по объединению сельских поселений и даже идеи переселения людей с целью сокращения бюджетных расходов только стимулируют процессы обезлюдения и сжатия освоенного пространства. Как и в 1970-х гг., оторванность от местного центра или лишение собственного огорода только усилят отток в города и деградацию населения. Во многих сельских поселениях уже прошли общественные слушания на тему объединения. В Угорском поселении власти «продавили» его присоединение к соседнему

Леонтьевскому. При этом расстояние от центра поселения до деревень, в него входящих, увеличивается с 5-7 км до 15-20 км при отсутствии регулярного автобусного сообщения. Угоры превратятся из центра местной жизни в обычную деревню, и их ждет судьба деревни Хлябишино, которая тоже когда-то была центром и имела более 300 жителей (сейчас она входит в Угорское поселение, и в ней живет 30 человек). Экономия бюджетных средств (зарплата двух-трех сотрудников сельской администрации, содержание школы, клуба, ФАПа, библиотеки) оборачивается резким усилением оттока населения и ускоренным разрушением социальной среды. В результате - невозможность реализовать новые модели развития и сохранения населенных мест.

Пример Угорского поселения показывает, что при наличии населения и элементарной инфраструктуры одна из наиболее вероятных моделей возрождения нечерноземной деревни связана с сезонным присутствием там городских дачников. При всей парадоксальности этого вывода, факты, складывающиеся в тенденцию, это подтверждают⁴.

Отсюда исследовательская задача № 7 – оценка реальных перспектив проникновения горожан в сельскую местность и анализ новых социальных структур дачного реосвоения села (д.г.н. Т.Г. Нефедова).

В отличие от дезурбанизации (переселение в сельскую местность на постоянное место жительства), случаи которой пока единичны в таких удаленных районах и более характерны для подмосковных пригородов, роль дачного развития удаленной от городов местности очень велика. Массовость российской сезонной дачной дезурбанизации, особенно связанной с покупкой домов в деревнях, не фиксируется статистикой. Поэтому чрезвычайно важны локальные обследования сезонного присутствия горожан в деревне, анкетирования дачников, которые проводились в рамках Угорского проекта. Все большее распространение получает феномен *дальней дачи* в тихом безлюдном живописном месте взамен или в дополнение к *ближней даче*, зажатой среди изгородей и коттеджей Подмосковья. Процесс проникновения московских дачников в удаленные периферийные сельские районы начался еще в 1970-1980-е гг., стал более активным в 1990-е и набирает силу в 2000-е. Обследования деревень в разных районах Нечерноземья показали, что дачные зоны Москвы и С.-Петербурга уже пересеклись на юге Псковской и Новгородской областей, захватив Ивановскую и Костромскую области. Даже в таких удаленных на 600 км местах, как Мантуровский район и Угорское поселение в Костромской области, доля московских дачников достигает 50% собственников домов, а в сильно депопулировавших деревнях 70-90%. Однако дачники не повсеместны, они концентрируются в отдельных очагах с наиболее живописными ландшафтами (например, вдоль реки Унжа). В деревнях дачники сохраняют дома и целые деревни. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способны занять часть местного

⁴ Здесь, однако, в научный дискурс резко вмешиваются идеологические факторы. Возможная кардинальная переориентация отдельных районов Ближнего Севера на рекреационную экономику, «экономику впечатлений» с ее акцентом на сохранении и рачительном использовании природного капитала порождает глухое неприятие и даже агрессию со стороны столичных ревнителей старины, ориентирующихся на традиционные почвеннические и неопочвеннические представления о национальных народных «корнях». Уход с экономической сцены традиционного «тотального» (но мало эффективного, вернее, тупикового в новых условиях) сельского хозяйства и замена его очаговым сельским производством, ориентированным на новых местных потребителей, воспринимается ими как посягательство на сакральное, на основы российского бытия как такового. В смене одного уклада другим подчас видится чуть ли не политическая составляющая. Местные жители, особенно среднего и старшего возраста, по-разному воспринимают изменения экономических и ценностных ориентиров. Многие из них хорошо понимают, что в новом контексте организации труда, основанном на использовании современных технологий и развитии инфокоммуникаций, им едва ли найдется полноценное место. Однако молодежь и наиболее активные и динамичные взрослые жители сел смело вступают в этот новый мир северной деревни. Они понимают, что он фактически безальтернативен, и что только он может спасти этот регион от одичания, полного падения в архаику и, таким образом, от самоуничтожения.

населения, они создают спрос на услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними. Мелкое индивидуальное хозяйство местного населения имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. *Именно рекреация горожан может стать новым стимулом развития сельского хозяйства местных жителей.* Приток дачников дает стимул к развитию торговли в соседних городах, хотя имеет и негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Но главное – дачники, в основном интеллигенция среднего достатка, среднего и пожилого возраста создают иную социальную среду в деревнях, в том числе и активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения. Есть отдельные примеры и полного погружения горожан в сельскую жизнь с работой в сельской школе или занятием животноводством (наряду с привычными профессиональными занятиями). Однако такие случаи пока еще единичны на фоне массовости временного использования сельских домов горожанами в основном в летне-осенний период. Главным экономическим ограничителем дачного развития периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора, а демографическим – уход местного населения (естественная убыль и в результате миграций), так как *без местного населения дачники в таких удаленных местах не задерживаются* из-за разграбления домов зимой.

Особая исследовательская задача № 8 – возможности туристического развития столь живописных мест (к.г.н. А.В. Дроздов, Институт географии РАН). Сама главная ось, связующая несколько районов, – река Унжа с ее песчаными пляжами и лесистыми берегами может быть привлекательна для туристов с самыми разными вкусами – от байдарочников и любителей экологических троп до охотников на птиц, медведей и кабанов. Плюс заповедные природные участки (Кологривский лес), старинные города Кологрив и Макарьев с Макарьево-Унжеским монастырем, который уже стал местом паломничества, классические деревни Ближнего Севера с «домами-кораблями», вкупе с уродливыми советскими памятниками Севера (развалины УжЛАГа и завода ВПК) – все это можно сделать привлекательным [4, 5]. И даже частично утраченные объекты, например, усадьба «Отрада» Натальи Апухтиной, история жизни которой так похожа на описанную в «Евгении Онегине» (она сама считала себя прообразом Татьяны Лариной), могут олицетворять возможные места разворачивания известных каждому россиянину событий. Тем более, что сохранилась церковь, в которой венчались Апухтина и генерал Фонвизин. Пример Угорского проекта показывает, как можно использовать сочетание экологически сбалансированной природной среды и богатого исторического наследия.

Главные ресурсы рекреационного реосвоения периферии, как дачного, так и туристического – чистый воздух, вода, живописные ландшафты. Они вполне совместимы с другим бизнесом и могут даже подпитывать его, кроме крупных предприятий, уничтожающих этот экологический ресурс. Поэтому уже сложившееся и развивающееся дачно-рекреационное использование и возможные новые загрязняющие промышленные предприятия должны быть максимально разведены, что, как правило, не учитывают региональные власти.

В связи с этим возникла **особая исследовательская задача № 9, связанная с экологическими рисками в связи с предполагаемым в 2000-х гг. строительством в г. Мантурово крупнейшего в Европе целлюлозно-Бумажного комбината** (Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова, М.С. Гунько). Специфика Угорского проекта состоит в том, что он рассматривает во взаимосвязи экономические, экологические и социальные последствия

строительства комбината, который, безусловно, может стать, как предполагают региональные власти, локомотивом развития Костромской области и ее восточных районов и обеспечит занятость части местного населения. Однако сама «темная» история меняющихся инвесторов [7] и возможные экологические последствия этого проекта настораживают. И дело даже не столько в загрязнении воды и воздуха (современные технологии позволяют надеяться на сравнительно низкие риски выбросов). Главным ограничителем станет уменьшающийся сток Унжи (расчеты показали, что при оборотном водоснабжении воды в реке хватит на 12 лет) и низкие запасы древесины (на 26 лет). Все это делает проект экономически неэффективным [3].

Заключение

Ближний Север заключает в себе огромный потенциал развития, связанный с новой организацией экономической и социальной жизни в контексте постиндустриального общества. При этом все то, что здесь сейчас ценится меньше всего, в перспективе приобретет наивысшую ценность и востребованность. Именно поэтому проект сочетает как объективный анализ современной ситуации и возможного ближайшего будущего, так и социальное моделирование того, что здесь может быть.

Исследования по Угорскому проекту находят широкий отзыв научной общественности самых разных направлений. Ежегодно издаются сборники статей по результатам научных исследований. Работает сайт «Угорский проект» (www.ugory.ru).

В настоящее время в деревне Медведево действует научно-исследовательская база Сообщества профессиональных социологов. На ней, помимо ежегодных экспедиций, проводятся полевые практики студентов и аспирантов факультета социологии и факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, экономического и географического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, институтов РАН. Кроме того, в Медведево построена база факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ, организующая практику студентов и магистров, другие мероприятия.

Третий год в небольшой деревушке Медведево проводятся ставшие традиционными международные научные конференции. Они проходят в обычных деревенских избах на переоборудованных в конференц-залы сеновалах. Такие конференции собирают до 60 участников. Несмотря на некоторую экзотичность, на научной базе созданы все условия для проведения мероприятий международного уровня и бытового обслуживания гостей. В 2012 г. на конференции обсуждались проблемы глобализации и ускорения социального времени, взаимодействия города и села, новые миграционные тренды и проблемы гражданского общества на селе, включая городских дачников в удаленных селах и отходников, подрабатывающих в крупных городах, инновационная трансформация сельских регионов и использование природного капитала Ближнего Севера. Было сделано 50 научных докладов, показан документальный фильм «Две жизни Нечерноземной глубинки» (авторы Т.Г. Нефедова и В.Н. Иванов), снятый в Угорском поселении в 2011 г., выступали некоторые местные жители, они рассказывали о своих проблемах.

В кластер Угорского проекта входят и многие другие местные поселения (близлежащие деревни Палома, Шилово, Угоры, Копцево, Дмитриево, Леонтьево и др.), ныне во многом реколонизированные по указанной выше схеме дачниками городского интеллектуального креативного класса.

Налицо возникновение «снизу», от конкретного научного интереса и потребностей самих исследователей кластерного научного центра новой генерации. Подобный центр не требует больших инвестиций и сложной инфраструктуры из «стекла и бетона». Он «играет» на других струнах. А именно - на создании уникальной нравственно-психологической, очищающей атмосферы для научного общения в прямом контакте с природной средой, но с использованием всех достижений современной постиндустриальной цивилизации, включая прежде всего инфотелекоммуникации, транспортную доступность, требования современного обустройства быта. Симбиоз всех этих структурных компонентов позволяет предполагать, что Угорский проект успешно продолжит свою работу и в будущем.

Литература

- 1 Бобылев С. Н. Экономические матрицы развития сельских сообществ: общее и частное // Город и село в современной России : перспектива структур. воссоединения. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2004. С. 41-60.
- 2 Бобылев С. Н., Палт М. В., Шелест А. С. Ландшафтный капитал и экологический туризм // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 10-26.
- 3 Гунько М. С. Экологические и социально-экономические аспекты строительства ЦБК в Мантуровском районе Костромской области // Настоящее и будущее Ближнего Севера : экономика, экология, сообщества. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2012. С. 192-208.
- 4 Дроздов А. В. Потенциал эколого-культурного туризма в долине Унжи // Настоящее и будущее Ближнего Севера : экономика, экология, сообщества. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2012. С. 208-226.
- 5 Дроздов А. В. Экологический туризм: концепции и практика // Угорский проект : экология и люди Ближнего Севера. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 26-56.
- 6 Нефедова Т. Г. Две жизни современной нечерноземной глубинки // Настоящее и будущее Ближнего Севера : экономика, экология, сообщества. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2012. С. 106-135.
- 7 Нефедова Т. Г. Предыстория и возможное будущее проектов ЦБК в Костромской области // Угорский проект : экология и люди Ближнего Севера. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 143-148.
- 8 Нефедова Т.Г. Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Северное село: традиции и инновации. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2010. С. 40-69.
- 9 Покровский Н. Е. Введение. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России : теорет. и приклад. аспекты // Город и село в современной России : перспектива структур. воссоединения. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2004. С. 4-41
- 10 Покровский Н. Е. Введение. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теорет. и приклад. аспекты // Город и село в современной России: перспектива структур. воссоединения. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2004. С. 4-41.

- 11 Покровский Н. Е. Настоящее и будущее северной стороны // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012. С. 5-15.
- 12 Покровский Н. Е. Российский Север : что в будущем? // Перспективы российского Севера. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2007. С.19-65.
- 13 Покровский Н. Е. Северная Атлантида, исчезающая и возрождающаяся // Угорский проект : экология и люди Ближнего Севера. М. : Сообщество профессиональных социологов, 2008. С.5-10.